

Александр Фомин

**Книга под воском:
Новгородский кодекс
и рождение русской
книжности**

Александр Фомин

**Книга под воском:
Новгородский кодекс и
рождение русской книжности**

«Автор»

2026

Фомин А.

Книга под воском: Новгородский кодекс и рождение русской книжности / А. Фомин — «Автор», 2026

Июль 2000 года. Новгород. Три липовые дощечки, пролежавшие в болоте тысячу лет. На воске — псалмы. Под воском — следы других текстов, процарапанных на дереве. Так была найдена древнейшая русская книга — старше «Остромирова Евангелия» на несколько десятилетий. Эта книга — о находке и её осмыслении. О том, как лингвист Андрей Зализняк читал невидимое — десятки тысяч букв, наложенных друг на друга. О спорах, которые не утихают: ересь или «монашеская игра»? О монахе Исааке, оставившем на дощечке своё имя. И о том, что это меняет в нашей истории. Не учебник. Не монография. Живое повествование о воске и дереве, о текстах и людях, о голосах, дошедших через тысячу лет.

© Фомин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Находка	7
Часть II. Текст	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Книга под воском: Новгородский кодекс и рождение русской книжности

Содержание

Предисловие

Часть I. Находка

Глава 1. Июль 2000 года: три дощечки из болота

Глава 2. Что такое cera: как писали на воске

Часть II. Текст

Глава 3. Псалтирь: что читали на заре русской книжности

Глава 4. Скрытые тексты: «гиперпалимпсест»

Часть III. Спор

Глава 5. Зализняк: прочтение «скрытых» текстов

Глава 6. Скептики: Станчев, Буланин, Алексеев

Глава 7. «Монашеская игра»: версия Алексеева

Часть IV. Контекст

Глава 8. Монах Исаакий: человек, оставивший след

Глава 9. Тетралогия «От язычества к Христу»

Глава 10. Одноеровая система: загадка письма

Часть V. Значение

Глава 11. Древнейшая книга Руси

Глава 12. Что это меняет в нашей истории

Заключение. Слово, которое не смолкло

Предисловие

Три дощечки, которые изменили историю

Представьте себе Новгород. Лето 2000 года. Троицкий раскоп. Археологи снимают слой за слоем — земля здесь хранит память тысячелетий. И вдруг — находка. Три деревянные дощечки. Липовые. Небольшие. С воском. Они пролежали в болоте около тысячи лет и почти не пострадали. Влага, отсутствие кислорода, холод — всё это законсервировало их, как в огромном природном холодильнике.

На воске читались псалмы. А под воском, на дереве, — слабые следы других текстов. Тех, что были написаны раньше и стёрты, чтобы освободить место для новых. Это оказалась древнейшая русская книга. Та, о существовании которой никто не знал. Та, что старше «Остромирова Евангелия» на несколько десятилетий. Та, что была создана почти сразу после Крещения Руси.

Эта книга — о ней. О трёх дощечках, которые перевернули наши представления о начале русской книжности. О том, как учёные читали невидимое — следы букв, процарапанные на дереве под слоем воска. О спорах, которые не утихают до сих пор. О человеке, оставившем на дощечке своё имя — монахе Исаакии. И о том, что это меняет в нашей истории.

Это не учебник. И не академическая монография. Это повествование — о находке и её осмыслении, о текстах и людях, о воске и дереве, о голосах, которые дошли до нас через тысячу лет. Здесь есть место фактам и гипотезам, документам и легендам, науке и искусству. Здесь спорят учёные, звучат разные мнения, и читатель сам может решить, чья позиция ему ближе. Но главное — здесь есть голос. Голос человека, который жил на заре русской истории. Который держал в руках церу и стилос. Который писал на воске. Который учился. Который верил. Который думал.

Книга построена как путешествие. Сначала — находка. Потом — текст. Потом — спор. Потом — контекст. И наконец — значение. Пять частей, двенадцать глав, заключение. От утра на раскопе до тишины архива. От воска и дерева до имён и смыслов. Каждая глава — шаг вперёд. Каждая глава — новый вопрос.

Эта книга для тех, кто интересуется историей русской культуры. Для школьников и студентов, которые пишут проектные работы. Для всех, кому интересно, как рождалась русская книжность. И для тех, кто просто любит истории о находках, загадках и открытиях.

Древнейшая русская книга. Три липовые дощечки. Четыре восковых страницы. Псалмы. Азбука. Тетралогия. Запись Исаакия. И голос человека, который её написал.

Он звучит. Через тысячу лет. Через болото и землю. Через воск и дерево. Через спор и сомнение. Через открытие и интерпретацию.

Слово, которое не смолкло.

Часть I. Находка

Глава 1. Июль 2000 года: три дощечки из болота

Утро на Троицком раскопе

Новгород. Лето 2000 года. Троицкий раскоп.

Солнце поднимается над древним городом. Археологи уже на месте — с раннего утра, как всегда. Лопаты, совки, кисточки. Слои земли снимаются сантиметр за сантиметром, как страницы старой книги. А книга эта — сама земля. Здесь, на месте древнего Троицкого посада, каждый год находят берестяные грамоты, монеты, украшения, остатки мостовых и срубов. Земля хранит память тысячелетий.

Этот день — 13 июля 2000 года — начинался как обычно. Никто не ждал чуда. Работа шла в пластах первой четверти XI века. Обычный день. Обычный раскоп.

А потом — находка.

В земле, среди щепок и обрывков бересты, показались три деревянные дощечки. Липовые. Небольшие — девятнадцать на пятнадцать сантиметров. Толщиной около сантиметра. Каждая с прямоугольным углублением, залитым воском. На средней дощечке — углубления с двух сторон. По краям — отверстия с деревянными штырями, чтобы соединять дощечки в единый комплект.

Четыре восковых страницы. Две внешние стороны первой и последней дощечек — обложки.

Это была книга. Настоящая книга. Древняя. Тысячелетняя.

Болото, которое сохранило

Почему дерево уцелело? Тысячу лет в земле — и не сгнило?

Ответ прост: болото.

Новгород стоит на болотистой почве. Влага пропитывает дерево насквозь. Кислород не поступает. Микроорганизмы, вызывающие гниение, не могут развиваться. Дерево консервируется естественным образом — как в огромном природном холодильнике.

Именно поэтому Новгород — рай для археологов. Здесь сохраняется то, что в других местах исчезает бесследно. Берестяные грамоты — их найдено уже больше тысячи. Деревянные мостовые — целые ярусы, настилавшиеся друг на друга столетиями. Срубы домов. Лодки. Сани. Гребни. Игрушки. Всё это пролежало в земле века и дошло до нас благодаря болоту.

Новгородский кодекс сохранился так же. Три липовые дощечки, пропитанные влагой, пролежали в земле около тысячи лет. И не сгнили. И не рассыпались. И донесли до нас текст, написанный на воске и процарапанный на дереве.

Первичную реставрацию книги выполнил В. И. Поветкин. Сейчас кодекс экспонируется в Музее письменности, входящем в состав Новгородского государственного объединённого музея-заповедника.

Датировка: когда это было?

Когда создали кодекс? Этот вопрос — один из самых важных. И ответ на него — не простой, а многослойный.

Верхняя граница. Дощечки лежали в полуметре от края раскопа и на тридцать сантиметров ниже сруба, получившего надёжную дендрохронологическую дату — 1036 год. Это значит: кодекс попал в землю не позже этого года. Дендрохронология — метод датировки по годичным кольцам дерева — даёт надёжные результаты. Если сруб получил дату 1036 год, то всё, что лежит ниже, — старше.

Нижняя граница. Крещение Руси — 988 год. Раньше этого времени христианские книги на Руси появиться не могли.

Радиоуглеродный анализ. В Уппсальском университете (Швеция) был произведён радиоуглеродный анализ воска. Результат: 1015 год $\pm$ 35 лет, с вероятностью 84%. Это значит, что с высокой долей уверенности кодекс создан около 1015 года — плюс-минус несколько десятилетий.

Авторская дата. Самое интересное. В «скрытой» части кодекса — той, что под воском, на дереве — Зализняк прочитал запись: «Въ лѣто 6507...» 6507 год от сотворения мира — это 999 год от Рождества Христова.

Итог. Кодекс создан на рубеже X–XI веков. Возможно, ещё в последние годы X века. Или в первые десятилетия XI. В любом случае — это древнейшая русская книга.

Новая точка отсчёта

До находки Новгородского кодекса древнейшей русской книгой с точно установленной датой считалось «Остромирово Евангелие». Оно написано в 1056–1057 годах — по заказу новгородского посадника Остромира, дьяконом Григорием. Это роскошная рукопись, настоящий шедевр книжного искусства.

Но Новгородский кодекс — на несколько десятилетий старше. Он создан почти сразу после Крещения Руси.

Это меняет наши представления о начале русской книжности.

Раньше учёные думали: сначала Русь приняла христианство, потом пришли греческие и болгарские книги, потом появились первые русские переписчики. Процесс был постепенным. Книжная культура на Руси возникла где-то во второй половине XI века.

Теперь мы знаем: книги были уже в начале XI века. И не просто книги — книги, написанные русскими писцами. Людями, которые учились писать. Людями, которые осваивали книжное искусство. Людями, которые оставили свои следы в истории.

Более ранние славянские датированные документы — некоторые древнеболгарские и хорватские надписи X века. Но их нельзя отнести к категории «книги». Новгородская псалтирь — самый ранний из сохранившихся в оригинале письменных памятников Киевской Руси.

Что было на воске и что под воском

На самом воске кодекса — текст, который читается легко и без затруднений. Это псалмы. Семьдесят пятый и семьдесят шестой псалмы полностью, а также фрагмент шестьдесят седьмого псалма. Поэтому памятник часто называют «Новгородской Псалтирью».

Но самое интересное — под воском.

Когда-то — до того, как на воске были написаны псалмы, — на этих же дощечках были другие тексты. Их стёрли, чтобы написать новые. Но стилос, процарапывая воск, оставлял следы на дереве. Эти следы сохранились. Слабые отпечатки десятков тысяч букв. Наложённые друг на друга. Едва отличимые от случайных царапин и трещин.

Это «гиперпалимпсест». Текст под текстом. Слой под слоем. Многослойная книга, которая говорит с нами сразу несколькими голосами.

Прочтение этих «скрытых» текстов — подвиг учёных. И предмет спора. Но об этом — в следующих главах.

А пока — запомним главное. Три деревянные дощечки. Липовые. С воском. Из болота. Из-под земли. Из глубины веков.

Древнейшая русская книга. И голос человека, который её написал.

Глава 2. Что такое цера: как писали на воске

Мир без бумаги

Представьте себе мир, в котором нет бумаги. Совсем нет. Ни листов, ни тетрадей, ни блокнотов. Ни привычного нам шелеста страниц. Мир, где каждая записанная мысль требует усилия, а каждая книга — состояния.

Именно таким был мир Древней Руси.

Для важных текстов — Евангелий, летописей, житий — использовали пергамент. Это особым образом выделанная кожа животных: телячья, овечья, козья. Материал прочный, долговечный, но невероятно дорогой. На одну книгу могли уйти шкуры целого стада. Пергамент берегли, переписывали заново, счищая старый текст, чтобы не тратить новый материал.

Для повседневных нужд — записок, черновиков, упражнений в письме — пергамент не годился. Слишком дорого. Слишком неудобно. Нужно было что-то простое, дешёвое, много-разовое.

И такое решение существовало. Оно пришло из античного мира. Церы. Восковые таблички.

Что такое цера

Цера — это деревянная дощечка с неглубоким прямоугольным углублением. Углубление заливали воском. Обычно воск был чёрным — добавляли сажу или уголь, чтобы буквы, процарапанные на его поверхности, были хорошо видны. Реже воск оставляли светлым, но тогда его посыпали тёмным порошком, чтобы текст читался.

Писали на воске стилосом. Это небольшой стержень — металлический, костяной или деревянный. Один конец заострён — им процарапывали буквы. Другой конец плоский, в виде лопаточки — им стирали написанное. Провёл лопаточкой по воску — и гладкая поверхность снова готова к письму.

Написал. Стёр. Написал заново. И так сотни раз. Воск — материал податливый. Он сохраняет форму, но легко стирается. Цера могла служить годами, а то и десятилетиями.

Как это работало

Технология проста, но продумана до мелочей.

Дощечку делали из мягкого дерева — липы, ольхи, ели. Вырезали углубление. Зашлифовывали края. Заливали воском — растопленным, ровным слоем. Давали застыть. И цера готова.

Размеры могли быть разными. Небольшие таблички — для записки. Большие — для деловых документов или учебных упражнений. Иногда церы соединяли в книги. Прodelывали отверстия по краям, продевали шнуры или вставляли деревянные штыри. Получался полиптих — книга из нескольких табличек. Можно переворачивать страницы. Можно писать с двух сторон. Можно добавлять новые листы.

Новгородский кодекс — именно такой полиптих. Три липовые дощечки. Четыре восковых страницы. Соединены деревянными штырями. Настоящая книга — только вместо бумаги воск.

От Помпей до Новгорода

Церы знали по всему древнему миру.

В Греции на них писали ученики, осваивая грамоту. В Риме — чиновники, составляя документы. В Византии — монахи, переписывая тексты. При раскопках Помпей, погибших под пеплом Везувия в 79 году, нашли целые архивы восковых табличек. Среди них — счета, письма, юридические акты, даже любовные записки.

Античные авторы упоминают церы постоянно. Плутарх рассказывает, как спартанцы использовали их для секретных посланий: писали на воске, а под воском, на дереве, скрывали настоящее сообщение. Гораций жалуется, что поэты тратят слишком много цер. Марциал высмеивает школьников, которые вечно пачкаются в воске.

На Руси церы тоже были известны. Слово «цера» встречается в древнерусских текстах. Но до 2000 года археологи находили лишь отдельные фрагменты — обломки дощечек, кусочки

воска, застывшие капли. Никто не находил целую книгу. Никто не держал в руках полиптих, которому тысяча лет.

Новгородский кодекс стал первой такой находкой.

Что писали на церах

На церах писали всё, что не требовало долгого хранения.

Ученики выводили буквы, повторяя азбуку. Писцы тренировались в каллиграфии, прежде чем взяться за пергамент. Монахи записывали мысли, которые потом переносили в книги. Купцы вели расчёты. Княжеские слуги составляли черновики грамот.

На церы наносили и то, что не доверяли пергаменту: личные заметки, письма, которые не хотели сохранять. Стер — и нет. Воск хранил тайны, но умел их и забывать.

Новгородский кодекс — особый случай. На его воске написаны псалмы. Это не черновик. Это книга для чтения. Молитвы, которые читали каждый день. Но под воском — «скрытые» тексты. То, что было написано раньше. То, что стёрли. То, что осталось на дереве.

Почему это важно

Цера — не просто предмет. Это технология. Это способ думать, писать, учиться, общаться.

Цера делала письмо доступным. Не для всех — грамотных было немного. Но для тех, кто умел писать, цера была рабочим инструментом. Она позволяла ошибаться. Пробовать. Исправлять. Учиться.

Именно поэтому цера так важна для понимания Новгородского кодекса. Это не роскошная рукопись, созданная для князя или монастыря. Это рабочая книга. Книга для повседневного использования. Книга, которую держали в руках, листали, читали.

И под воском этой книги сохранились следы других текстов. Других мыслей. Другой жизни.

Что осталось на дереве

Когда воск стирали, чтобы написать новый текст, стилос всё равно процарапывал дерево. Слабые, едва заметные следы. Отпечатки букв. Царапины. Трещины.

Эти следы накапливались. Слой за слоем. Текст за текстом. На одном и том же месте. На одной и той же дощечке.

Так возник «гиперпалимпсест». Многослойный текст. Десятки тысяч букв, наложенных друг на друга. Слабые отпечатки, которые почти невозможно различить.

Именно эти следы прочитал Зализняк. Именно они открыли нам «скрытые» тексты Новгородского кодекса.

Цера и береста

На Руси был ещё один материал для повседневного письма — береста.

Берестяные грамоты — это кора берёзы, на которой процарапывали буквы. Их найдено уже больше тысячи. Они дешевле цер, но у них есть недостаток: береста — материал одноразовый. Написал — и всё. Стереть нельзя.

Цера — многоразовая. На ней можно писать, стирать, писать заново. Это делает её идеальной для обучения, для черновиков, для работы.

Новгородский кодекс — цера. Это не случайно. Книга для чтения, для повторного использования. Книга, которую можно открывать снова и снова.

Мост между мирами

Цера — это мост между античным миром и Древней Русью. Между Грецией и Новгородом. Между Римом и Киевом.

Технология цер прошла через века и пространства. Она была известна в Византии, оттуда пришла в Болгарию, а оттуда — на Русь. Она соединяла культуры, позволяла передавать знания, учить грамоте, вести дела.

И вот — три липовые дощечки. Четыре восковых страницы. Тысяча лет в болоте.

Древнейшая русская книга. И голос человека, который её написал.

Часть II. Текст

Глава 3. Псалтирь: что читали на заре русской книжности

Книга, которая всегда с тобой

Если бы мы могли заглянуть через плечо человека, жившего на Руси в начале XI века, то с большой вероятностью увидели бы в его руках Псалтирь.

Псалтирь — это книга псалмов. Сто пятьдесят древних песнопений, приписываемых царю Давиду. Молитвы, плачи, хвалы, проклятия, пророчества. Всё, чем живёт человеческая душа, собрано в одной книге.

Для христианина Псалтирь была не просто книгой. Она была спутником на всю жизнь. По ней учились читать. По ней молились утром и вечером. По ней гадали о будущем. По ней утешались в горе и благодарили в радости. Псалмы знали наизусть. Их пели в храме. Их шептали в дороге. Их читали над умирающими.

Не случайно и Новгородский кодекс — древнейшая русская книга — содержит именно псалмы.

Что читается на воске

На четырёх восковых страницах кодекса читаются:

Псалом 75 — полностью.

Псалом 76 — полностью.

Псалом 67 — фрагмент, стихи с четвёртого по шестой.

Текст читается легко. Он не стёрт, не повреждён, не требует реконструкции. Это «основной текст» кодекса — то, что лежит на поверхности, на воске.

Почему именно эти псалмы? Ответ прост: перед нами не вся Псалтирь, а её фрагмент. Книга из четырёх страниц не могла вместить все сто пятьдесят псалмов. Это скорее избранные места, может быть, для определённого круга чтения, может быть, для богослужения, может быть, для личной молитвы.

Но какие бы ни были причины, перед нами — древнейший образец того, что читали на Руси почти сразу после Крещения.

Язык: старославянский с русским акцентом

Текст псалмов написан на старославянском языке. Это книжный язык, созданный Кириллом и Мефодием для перевода греческих богослужебных текстов. Язык торжественный, возвышенный, далёкий от повседневной речи.

Но в тексте Новгородского кодекса есть особенности. В передаче носовых гласных — юсов — встречаются ошибки. Писец путает буквы, которые должны обозначать разные звуки. Для старославянского текста это ошибки. Для историка языка — бесценное свидетельство.

Эти ошибки выдают восточнославянское происхождение писца. Человек, который переписывал псалмы, был не греком и не болгарин. Он был русичем. Его родной язык не знал носовых гласных, и он путал буквы, которые в его живой речи звучали одинаково.

Это значит: уже в начале XI века на Руси были люди, которые умели писать. И не просто умели — они переписывали книги. Они осваивали чужой для них книжный язык. Они учились.

Спор о языке: русский извод или ещё нет?

В 2001 году, когда кодекс только был найден и прочитан, Зализняк и Янин отнесли его к русскому изводу церковнославянского языка.

Русский извод — это вариант церковнославянского языка, который сложился на Руси. Он отличается от старославянского — южнославянского — некоторыми чертами, которые появи-

лись под влиянием живой русской речи. Если кодекс написан на русском изводе, значит, книжный язык на Руси уже сложился к началу XI века.

Но в 2003 году Зализняк пересмотрел свою позицию.

На момент создания памятника русского извода церковнославянского языка ещё не существовало. Это «просто старославянский текст с некоторым числом ошибок». Ошибки — от того, что писец был восточным славянином. Но сам текст — ещё старославянский, не русский извод.

Спор продолжается. Но одно ясно: кодекс стоит у самых истоков русской книжной традиции. Он — тот самый первый шаг, с которого начинается долгий путь русского церковнославянского языка.

Одноеровая система: загадка на букву «ѣ»

Есть в тексте псалмов ещё одна особенность. Она касается не того, что написано, а того, как написано.

В старославянском языке было две буквы для обозначения редуцированных гласных: «ѣ» и «ь». Они обозначали разные звуки, и путать их не полагалось.

Но в Новгородском кодексе — и в псалмах, и в «скрытых» текстах — используется только одна буква. «Ѥ». Вместо двух разных знаков — один.

Это называется «одноеровая система».

Для современного читателя разница между «ѣ» и «ь» может казаться незначительной. Но для истории языка это важно. Одноеровая система — свидетельство особой книжной традиции. Она засвидетельствована и в других древних памятниках: Боянском палимпсесте, Листках Ундольского, Енинском апостоле, Синайской псалтыри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.